

УДК 1(091)

Итальянский вклад в дискуссию о «двух Витгенштейнах»

Лорети Анджело

Аспирант,
философский факультет,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-52;
e-mail: loreti_a@yahoo.it

Аннотация

В статье автор рассматривает сложившуюся в истории философии идею о «двух Витгенштейнах» («Логико-философский трактат» – «Философские исследования»). Автор обращает особое внимание на позицию итальянских исследователей Марино Россо и Диего Маркони. Несмотря на то, что сам Витгенштейн в предисловии к «Философским исследованиям» предлагает подобное представление о себе, оба эти исследователя считают, что картина «двух Витгенштейнов» слишком упрощена. Автор отмечает, что, по мнению Россо, целью критики «Философских исследований» является не только «Трактат», но и «Философские заметки» (*Philosophische Bemerkungen*, начало 1930-х годов). Согласно мнению автора, одним из наиболее ярких примеров реакции на философию «Заметок» является аргумент против индивидуального языка. Перечислены выделенные Маркони темы, которые встречаются во всех работах Витгенштейна. Автор приходит к выводу, что картина «двух Витгенштейнов», согласно Маркони и Россо, – неприемлема, и что мышление Витгенштейна находилось в состоянии постоянного и парадоксального развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Лорети А. Итальянский вклад в дискуссию о «двух Витгенштейнах» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 86-99.

Ключевые слова

Людвиг Витгенштейн, «Философские исследования», «Логико-философский трактат», «Философские заметки», Марино Россо, Диего Маркони, язык.

Введение

Известно, что в истории философии давно сложилось общее мнение о «двух Витгенштейнах». В любом учебнике по истории философии, в любой энциклопедии утверждается, что философская карьера Витгенштейна делится на две части: ранний и поздний период. Шедевром раннего периода является «Логико-философский трактат», а позднего – «Философские исследования». Подобную картину обсуждали Энтони Кенни в последней главе своей монографии [Kenny, 1982] и Глок в «Sketch of an intellectual biography» из книги «A Wittgenstein Dictionary» [Glock, 1996].

В дискуссию об эволюции философского творчества Людвиг Витгенштейна внесли свой вклад и итальянские исследователи, такие как Марино Россо (университет Флоренции) и Диего Маркони (университет Турина). Оба они являются специалистами по философии Витгенштейна. В частности, Марино Россо перевел на итальянский «Философские заметки» (*Philosophische Bemerkungen*). Мысли по данной проблематике были изложены Россо в предисловии к итальянскому изданию «Философских заметок», а Маркони – во второй главе, под названием «Переход» (*Transizione*), книги «Введение в Витгенштейна» (*Guida a Wittgenstein*) [Markoni, 2002]. Мы рассмотрим главные идеи этих авторов в рамках дискуссии о двух периодах философской карьеры Витгенштейна. Оба исследователя признают существенное отличие между философией «Трактата» и философией «Исследований», однако деление работы Витгенштейна на две четких части, по их обоснованному мнению, оказывается упрощенным.

Мнение итальянских исследователей представляется важным и достойным внимания по двум причинам.

Во первых, они не остановились на анализе лишь двух великих трудов Витгенштейна, а уделили внимание и тем произведениям, которые были написаны в 1930-е годы после «Трактата», отмечая оригинальность и новизну тем, подходов и аргументации в работах данного периода и подчеркивая важность их роли в понимании наследия философа.

Во вторых, они обращали особое внимание на те темы, которые остаются неизменными на протяжении всей философской карьеры Витгенштейна. При этом Маркони не полностью отказывается от картины «двух Витгенштейнов», несмотря на то, что сам выделяет и тщательно изучает все общие философские аспекты, которые встречаются с «Трактата» до работы «О достоверности»: например, идею о том, что философия является не наукой, а деятельностью и терапией, и доктрину необходимости как черты языка, а не мира. Россо, напротив, решительно опровергает подобное представление и считает, что мышление Витгенштейна находилось в состоянии постоянной эволюции, так что любая периодизация деятельности философа окажется неудовлетворительной.

Итальянские философы о становлении учения Витгенштейна

Рассмотрим более внимательно позиции Россо и Маркони.

Начнем с традиционного представления о «двух Витгенштейнах». Повод к такой периодизации дал сам Витгенштейн, который в предисловии к «Философским исследованиям» противопоставляет диалектические выводы своей новой работы размышлениям «Трактата» [Wittgenstein, 2011, X]. Такое заявление Витгенштейна убедило его учеников и хранителей его трудов опубликовать после смерти учителя прежде всего ту работу, которую они считали по праву частью его философского наследия, – «Философские исследования». Другая часть была воссоздана в виде антологии и опубликована под названием «Замечания об основах математики» (*Bemerkungen über die Grundlagen der Mathematik*).

Д.Маркони справедливо отмечает, что идея о подобной периодизации творчества философа оправдана, между прочим, двумя фактами. Во-первых,

«Трактат» оказал существенное внимание на неопозитивистов, а «Философские исследования» и преподавательская деятельность Витгенштейна в Кембридже воздействовали на возникновение *ordinary language philosophy* (философии обыденного языка). Противостояние между представителями той и другой философской традиции, которое было «весьма острым в Англии 50-х годов, имело силу обратного действия на интерпретацию работ Витгенштейна и привело к тому, что были подчеркнуты различия между книгой 1922 года и размышлениями после 1929 года» [Marconi, 2002, 95-96]¹.

Во-вторых, Маркони обращает внимание на то, что два основополагающих труда философа сильно отличаются по стилю: «Аподиктический тон «Трактата» и рапсодия вопросов «Исследований» являются показателями глубокого изменения в философском подходе» [ibid., 96].

Однако стоит более внимательно изучить предоставленную Витгенштейном самохарактеристику и задаться вопросом о причине так яркого выраженного дуализма. Ответ, по мнению М.Россо, следует искать в рискованном, но подтвержденном историческими данными предположении [Rosso, 1999, СХХ]: в предисловии «Философских исследований», говоря, что его новые идеи могут быть поняты только на фоне старых мыслей, Витгенштейн намекает не на точный текст «Трактата», который люди знают по пособиям по философии, а на то произведение, которое живет в воспоминаниях самого автора и которое было переработано после феноменологии «Философские заметки»² самым автором. Чтобы защитить данное мнение, Россо приводит следующие факты [ibid., СХХ-ССХХI].

Во-первых, по мнению Россо, Витгенштейн относился к своим работам, в том числе и к «Трактату», без филологической аккуратности; чтобы доказать этот тезис, он цитирует комментарий Мура: «Рамсей посетил Витгенштейна в Австрии в то время, когда он преподавал в начальной школе, чтобы задать ему несколько вопросов о значении неких высказываний «Трактата», которые

1 Здесь и далее, если не указано иное, дан перевод автора.

2 «Philosophische Bemerkungen» были написаны в начале 1930-х годов и являются важнейшим произведением Витгенштейна в периоде между «Трактатом» и «Исследованиями».

Рамсей считал трудными для понимания (Рамсей однажды рассказал мне, что в отношении многих своих высказываний Витгенштейн сказал, что забыл, что собственно имел в виду, и что ему нужно сильно задуматься, чтобы хотя бы приблизительно понять, что они точно означали)» [Moore, 1989, 235].

Во-вторых, Россо рассматривает составленные Вайсманом к концу 1930 г. «Тезисы» как некую переработанную версию «Трактата» в рамках новой идеологии «Философских заметок».

Чтобы понять эту оценку, стоит коротко рассказать о «Философских заметках» и о «Тезисах» (*Theses*). «Философские заметки» является главным произведением философа в период 1929-1932 гг. Данная работа долго оставалась незамеченной, что является большой несправедливостью, так как работа интересна по меньшей мере по двум причинам: 1) «Философские заметки» необходимы для понимания и для оценки философии позднего Витгенштейна; 2) в «Заметках» он предлагает весьма интересную феноменологическую концепцию.

В первую очередь необходимо упомянуть о происхождении данной работы, которая, насколько мне известно, не была опубликована на русском языке. «Философские заметки» были впервые изданы в 1964 г. Как пишет Россо в предисловии к итальянскому изданию [Rosso, 1999, VIII-XX], единственной рукописью Витгенштейна к «Философским заметкам» была огромная записная книжка для ведения семейного бюджета, насчитывавшая около тысячи листов. Происхождение этой бухгалтерской книжки уходит в далекий 1919 г., когда Витгенштейн, вернувшись с Первой Мировой войны, отказался от крупного семейного наследия, оставил философскую деятельность и работал то учителем в удаленных австрийских деревнях, то садовником в монастыре.

В начале 1929 г. Витгенштейн возобновил философскую работу, так как оказался в затруднительном финансовом положении, и ему было нужно зарабатывать на жизнь. В том же году Витгенштейн прибыл в Кембридж (Англия), где жил сначала за свой счет, а затем получил стипендию от Тринити-колледжа. Для того, чтобы получить стипендию, Витгенштейну было необходимо предоставить философскую работу. С февраля 1929 по апрель 1930 года он занимался составлением четырехтомной антологии, где собрал большое количество раз-

мышлений прежних лет на различные философские темы. Витгенштейн был недоволен беспорядочностью своей прежней работы: по его переписке с Муром и Расселом видно, что Витгенштейн сначала решил сделать «синопсис», т. е., обзорное резюме прежних работ, и показать его Расселу. Результатом резюме и переработки материала (которая была осуществлена за месяц) и стали «Философские заметки». Рассел быстро просмотрел эту работу, и, несмотря на то, что она ему во многом показалась непонятной, дал благоприятный отзыв, что немало повлияло на решение комиссии Тринити-колледжа одобрить стипендию Витгенштейна (вопреки сомнениям Мура и других членов комиссии).

Что касается «Тезисов», они появились в книге Вайсмана «Людвиг Витгенштейн и венский кружок» (*Ludwig Wittgenstein and the Vienna's circle*), упомянуты Кенни [Kenny, 1982, 122] и Хакером [Hacker, 1986, 136].

Витгенштейн в декабре 1931 г. высказался против публикации «Тезисов»: «Витгенштейн не позволял Вайсману публиковать книгу, так как считал свои идеи устаревшими. И вот однажды ... Вайсман в очередной раз потребовал разрешения опубликовать книгу, на что Витгенштейн кратко ответил: «Публикуй, но тогда я покончу с собой» [Руднев, 2001, 145]. Философ был против публикации «Тезисов», ссылаясь на то, что повторение «Трактата» было совершенно неоправданно. Однако подобное повторение было осуществлено под прямым влиянием собственных слов Витгенштейна и должно было поддержать книгу Вайсмана как введение в философию «Трактата». Данное намерение было объявлено в журнале «Erkenntnis» по уже одобренному Витгенштейном плану. Кроме того, подчеркивает Россо, отрицательный отзыв о «Тезисах» появился через полтора года после их сочинения, и в это время произошли существенные перемены в философии автора. Таким образом, существование «Тезисов», по мнению Россо, является признаком того факта, что «Трактат» мог быть переосмыслен автором.

Кроме того, Россо также отмечает, что «Философские заметки» были немедленно забыты Витгенштейном, который, по всей видимости, решил доверить их Муру и больше о них не заговаривал. Согласно Россо, такое полное забвение могло являться и причиной, и следствием переноса на «Трактат» философии, изложенной в «Философских заметках».

Доказательством предположения Россо является прямое сравнение «Исследований» и «Философских заметок». Одной из тем в «Философских исследованиях», которую можно рассматривать как реакцию на философию «Философских заметок», является аргумент против индивидуального языка [Wittgenstein, 2011, 75-88].

Аргумент против индивидуального языка представляет собой не что иное как аргументированное гиперотрицание того, что в рамках феноменологии «Философских заметок» соответствует автоочевидности Гуссерля, т. е. непосредственной верификации. Данная верификация является непогрешимым источником познания, потому что она представлена как сопоставление измерения языка с самой реальностью. Если сжато изложить эту мысль, то следует сказать, что сама идея об индивидуальности является идеей об имманентности, которая порождает апории, решаемые только в рамках трансцендентности. Решение Витгенштейна заключается в полном разложении самой идеи об индивидуальности. В своем аргументе против индивидуального языка Витгенштейн представляет, что некий человек хочет создать язык, который может быть понят только им самим, стремится сосредоточиться на каком-то ощущении и называет его, полагая тем самым, что он ввел термин своего индивидуального языка. Однако нужно, чтобы ощущение в настоящем в действительности было того же рода, что и образец ощущения в прошлом. А что значит, «оно того же рода в действительности»? Ответ на данный вопрос в «Заметках» (16) ясен: «оно того же рода» значит – «мы его помним как таковое» [Wittgenstein, 2012, 60]. Наше узнавание ощущения является не симптомом, а критерием соответствия настоящего ощущения с предыдущим (непосредственная верификация).

Язвительный ответ на эту мысль в «Исследованиях» (265) был таков: обращаться к подобному критерию тождества ощущений все равно что рассматривать новость в газете в качестве критерия истинности самой новости, – соответственно, присутствие той же новости и во второй копии газеты свидетельствует о правдивости сообщенных в ней событий. Невозможно не заметить, что Витгенштейн здесь пытается разрушить до основания философию «Заметок».

Если задаться вопросом, когда и каким образом произошел такой сильный и глубокий переворот в философской карьере Витгенштейна, то, согласно Рос-

со [Rosso, 1999, СХХХ], начало этого процесса возможно выделить с необыкновенной точностью в утверждениях из четвертого тома «Философских заметок». Так, 21 июня 1930 г. Витгенштейн все еще писал (в рукописи четвертого тома «Философских заметок», с. 193-194): «Я знаю, что мне придется выпить логический яд для того, чтобы его преодолеть. Поэтому я говорю себе всегда, что факт уже должен находиться в утверждении, в предложении, хотя я знаю, что факт в предложении не находится. Но эта кажимость должна подвергаться критике». Здесь подтверждается идея «Заметок» о том, что, если применить термины феноменологии Гуссерля, факт находится в предложении не реально, а интенционально. Однако уже через неделю Витгенштейн продолжает так: «Предложение является объектом сравнения, но каким образом осуществляется сравнение? Так или иначе, моя трудность решается тем, что я постоянно нахожусь в языке и не могу из него выйти. Когда я говорю о процессе сравнения, тогда я говорю о процессе сравнения и т. д. (поэтому, когда я говорю «понимать предложение значит знать, чем является случай, если оно верно», – это тоже сформулировано лишь в словах). И вот здесь мы приходим к тому, в чем все могло выражаться, а именно, мы приходим к выражению «предложение... – истинно». Теперь ясно будет, что «*p* – истинно» ничего не говорит более, чем: *p*. Я не могу предложить никаких решений старых философских проблем, но я могу дать им границы» [cit. in: Rosso, 1999].

Возможно, почувствовав скрытое противоречие в том, что факт может одновременно присутствовать (даже только интенционально) и не присутствовать в языке, Витгенштейн приходит к исключению любой возможности выйти из рамок языка.

Трудно недооценивать значительность такого поворота. Витгенштейн открыл академический 1930/31 год, торжественно заявляя, что философия лишилась своего ореола и что наконец-то существует способ заниматься философией, который не допустил бы деятельности великих философов, а помогал работе ловких философов. Сам Витгенштейн сравнивал такую эпохальную перемену с переходом от алхимии к химии [Moore, 1989, 322-324; Monk, 1991, 298-299].

Это громкое заявление могло относиться только к решению проблемы интенциональности. В доказательство изложенной гипотезы об отношении

между «Философскими исследованиями» и «Философскими заметками» Росо задается еще одним простым вопросом: какие темы, присутствующие исключительно в «Трактате», были раскритикованы в «Исследованиях»? [Rosso, 1999, СХХХIII]. Согласно Росо, можно вспомнить концепцию предложений как сплетения имен, теорию простых объектов в оригинальном нейтральном аспекте, идеал фрегеанской точности, теорию об общей форме высказываний и идею о гиперпонятиях, таких как язык и мир. Но опровержение этих тем, отмечает Росо, занимает только первую четверть «Исследований», а точнее, первые 142 параграфа. А со 143 параграфа, пишет Росо, начинается обсуждение тем «следования правилу» и «индивидуального языка». Мало того, при обсуждении темы точности Витгенштейн сочетает мысли своей первой работы со своеобразными и значительными идеями «Философских заметок». Таким образом, вся остальная часть «Исследований» останется непонятной, если рассматривать ее исключительно как критику философии «Трактата». Это было бы возможно только при искажении онтологического нейтралитета «Трактата», но такое осуществимо только после знакомства с теориями «Философских заметок» [ibid., СХХХIV]. Яркими примерами отсутствующих в «Трактате» тем, которые обсуждаются и в «Философских исследованиях», и в «Заметках», являются, по мнению Росо, парадокс времени Августина в «Исследованиях» (89-90) [Wittgenstein, 2011, 36-37] и в «Заметках» (48-50) [Wittgenstein, 2012, 80-83], интенциональность мышления в «Исследованиях» (95) [Wittgenstein, 2011, 38], в «Заметках» (18-26) [Wittgenstein, 2012, 61-66], феноменологический язык в «Исследованиях» (120) [Wittgenstein, 2011, 42] и в «Заметках» (1-3) [Wittgenstein, 2012, 51-53].

Касаясь эволюции мышления философа, Маркони говорит об «ощущении непрерывности» [Marconi, 2002, 61]. Однако Маркони пишет и о том, что произведения Витгенштейна разных периодов обладают своей «физиономией». С одной стороны, Маркони обращает внимание на то, что, например, «Философская грамматика» (*Philosophische Grammatik*) содержит все те же темы (за исключением тем «следовать правилам» и «аргумент против индивидуального языка»), что и «Философские исследования», но, с другой стороны, он напо-

минает, что облик «Исследований» существенно отличается от «Философской грамматики» [ibid., 61-62]. В целом, по мнению Маркони, во всех произведениях после «Трактата» Витгенштейн постепенно дистанцируется от его доктрин [ibid., 62]. Он подчеркивает, что идея «двух Витгенштейнов» обоснована на конкретных фактах, точнее, на том, что «ранний Витгенштейн хочет решить вопросы философии, а поздний хочет рассеять предполагаемые философские вопросы. Ранний Витгенштейн стремится к тому, чтобы обнаружить суть предложения и языка, а поздний считает что, строго говоря, такой сути не существует; ранний Витгенштейн считает, что, если предложение осмысленно, – то его смысл должен быть строго определен, а поздний считает, что подобная операция является иллюзией, связанной с попыткой наложить чистый идеал на язык как он есть в реальности» [ibid., 98]. Таким образом, Маркони может заключить, что правильным будет выделить разные моменты философствования Витгенштейна, но при этом необходимо учитывать и его непрерывность. В частности, Маркони отмечает несколько тем, которые, при всех изменениях в теориях и подходах, встречаются во всех работах Витгенштейна и которые следует рассматривать как ядро его философии [ibid., 98-99]. Перечислим и охарактеризуем их.

1. Необходимость является чертой не мира, а языка. По доктрине «Трактата», существует лишь «логическая необходимость», а «факты – случайны». После «Трактата», вместо того, чтобы говорить о логической необходимости, Витгенштейн говорит о необходимости грамматики.

2. Философия является не наукой, а деятельностью и терапией. Не существует области фактов, изучение которых являлось бы целью философии. Задача философа заключается в том, чтобы выявить источники ошибок философии. Поскольку ошибки объясняются недопониманием грамматики языка, получается, что философия направлена к выяснению сути языка.

3. Логика может только являться, но сама не является объектом описания, как и обычный эмпирический факт. Необходимых фактов не существует.

4. Ни логику, ни грамматику языка невозможно обосновать на неких сверхфактах, потому что описание подобных фактов предполагает правильность грамматики, которую необходимо обосновать.

5. Суть философии не в том, чтобы реформировать язык и заменить его неким идеальным языком, а чтобы понимать, какой он есть («Трактат») и как он используется («Исследования»).

6. Для понимания языка не нужно ничего иного, кроме самого языка. Иными словами, понимание языка не зависит от неких скрытых фактов. Маркони обращает внимание на то, что в «Трактате» предложение само собой являет факт, который оно описывает. Тем не менее, каждое предложение состоит из нескольких элементарных предложений, составляющие которых недоступны для говорящих и потому должны быть обнаружены. Это пример теории «о скрытых фактах» языка, который станет целью критики Витгенштейна в поздний период.

Заключение

Таким образом, Марино Россо приходит к выводу, что идея о «двух Витгенштейнах» («Трактат» / «Исследования») неприемлема. На наш взгляд, он правильно подчеркивает необходимость принять к сведению тот факт, что мышление Витгенштейна находилось «в состоянии постоянного и парадоксального развития, в ходе которого некие его философские рассуждения остаются неизменными с самого начала до конца, другие стабилизируются позже, некие демонстрируют долгие (или очень долгие) паузы, которые вдруг прерываются; некоторые эволюционируют без перерыва на протяжении всей его философской деятельности. В диахронии такой сложной картины неизбежно наблюдаются явные противоречия между старой, однако все еще живой темой, и другой, недавно возникшей темой, обреченной на господство в будущем творчестве Витгенштейна. При этом, как было доказано, все эти смены тем происходят без сознательного намерения» [Rosso, 1999, CXIX-CXX].

Данную оценку разделяет и Диего Маркони, который, чтобы описать развитие творчества Витгенштейна, прибегает к помощи метафоры каната из «Коричневой книги» [Wittgenstein, 2000, 116]: «ни одного отдельного волокна не обнаруживается по всей длине каната, а волокна переплетаются разными способами. Некоторые замечания снова появляются несколько лет спустя, воз-

можно, то слегка измененные, то введенные в другой контекст. Две работы, находящиеся ближе друг к другу по времени, имеют больше общего, нежели две работы, которые находятся дальше; но это не означает, что некая мысль, долго оставшаяся забытой, не может появиться в другой, поздней работе» [Marconi, 2002, 61].

Библиография

1. Витгенштейн Л. Философские работы. В 2 ч. М.: Гнозис, 1994.
2. Руднев В. Венский кружок: Энциклопедия логического позитивизма // Логос. 2001. № 4 (30). С. 137-146.
3. Glock H.J. Sketch of an intellectual biography // A Wittgenstein dictionary. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. P. 11-30.
4. Hacker P.M.S. Insight and illusion: Themes in the philosophy of Wittgenstein. Oxford: Clarendon Press, 1986. 360 p.
5. Kenny A. Wittgenstein. Madrid: Alianza Universidad, 1982. 240 p.
6. Marconi D. Transizione // Marconi D. Guida a Wittgenstein. Bari-Roma: Laterza, 2002. P. 59-103.
7. Monk R. Ludwig Wittgenstein: The duty of genius. Penguin Books, 1991. 704 p.
8. Moore G.E. Wittgenstein's Lecture 1930-33 // Ammerman R.R. Classics of analytic philosophy. Indianapolis: Hackett Pub Co, 1989. P. 233-284.
9. Rosso M. Introduzione a «Osservazioni Filosofiche» // Wittgenstein L. Osservazioni Filosofiche. Torino: Einaudi, 1999. P. VII-CLXI.
10. Waismann F. Ludwig Wittgenstein and the Vienna's circle: conversations recorded by Friedrich Waismann. New York: Barnes and Noble, 1979. 129 p.
11. Wittgenstein L. Libro blu e Libro marrone. Torino: Einaudi, 2000. 240 p.
12. Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford: Blackwell Publishing, 2011. 592 p.
13. Wittgenstein L. Philosophische Bemerkungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2012. 319 p.
14. Wittgenstein L. Tractatus. Logico-Philosophicus. Logisch-philosophische. Abhandlung. London: Kegan Paul, 1922. 75 p.

The Italian contribution to the debate about the "two Wittgensteins"

Angelo Loreti

Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1-52, Leninskie gory, MSU, Moscow, Russian Federation;
e-mail: loreti_a@yahoo.it

Abstract

The author examines the widespread picture of the two Wittgensteins (*Tractatus logico-philosophicus* – *Philosophical investigations*). The article focuses the position of two Italian researchers: Marino Rosso and Diego Marconi. According to the author, these two researchers believe that the picture of the two Wittgensteins is too simplified (despite the fact that Wittgenstein himself, in the preface to the *Philosophical investigations*, provides a dual picture of himself). The author remarks that, according to Rosso's point of view, the object of criticism of *Philosophical investigations* is not only the *Tractatus* but the *Philosophical remarks* too (written over the beginnings of the 30s). According to the author, one of the most striking examples in the *Investigations* of the reaction to the doctrines of the *Remarks* is the private language argument. The author underlines those contents which were selected by Marconi as recurrent over the whole background of all Wittgenstein's works. The author concludes saying that the picture of the two Wittgensteins, according to Marconi and Rosso, is to be rejected: the thought of Wittgenstein was in a state of constant and paradoxical development.

For citation

Loreti A. (2015) Ital'yanskii vklad v diskussiyu o "dvukh Vitgenshteinakh" [The Italian contribution to the debate about the "two Wittgensteins"]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, pp. 86-99.

Keywords

Ludwig Wittgenstein, *Philosophical Investigations*, *Tractatus logico-philosophicus*, *Philosophical remarks*, language, Marino Rosso, Diego Marconi.

References

1. Glock H.J. (1996) Sketch of an intellectual biography. In: *A Wittgenstein dictionary*. Oxford: Blackwell Publishers, pp. 11-30.
2. Hacker P.M.S. (1986) *Insight and illusion: Themes in the philosophy of Wittgenstein*. Oxford: Clarendon Press.
3. Kenny A. (1982) *Wittgenstein*. Madrid: Alianza Universidad.
4. Marconi D. (2002) Transizione. In: Marconi D. *Guida a Wittgenstein*. Bari-Roma: Laterza, pp. 59-103.
5. Monk R. (1991) *Ludwig Wittgenstein: The duty of genius*. Penguin Books.
6. Moore G.E. (1989) Wittgenstein's Lecture 1930-33. In: Ammerman R.R. *Classics of analytic philosophy*. Indianapolis: Hackett Pub Co, pp. 233-284.
7. Rosso M. (1999) Introduzione a "Osservazioni Filosofiche". In: Wittgenstein L. *Osservazioni Filosofiche*. Torino: Einaudi, pp. VII-CLXI.
8. Rudnev V. (2001) Venskii kruzhok: Entsiklopediya logicheskogo pozitivizma [Vienna Circle: Encyclopedia of logical positivism]. *Logos*, 4 (30), pp. 137-146.
9. Waismann F. (1979) *Ludwig Wittgenstein and the Vienna's circle: conversations recorded by Friedrich Waismann*. New York: Barnes and Noble.
10. Wittgenstein L. (1922) *Tractatus. Logico-Philosophicus. Logisch-philosophische. Abhandlung*. London: Kegan Paul.
11. Wittgenstein L. (1973) *Philosophical investigations*. Pearson (Russ. ed.: Vitgenstein L. (1994) *Filosofskie raboty*. In 2 vols. Moscow: Gnozis Publ.).
12. Wittgenstein L. (2000) *Libro blu e Libro marrone*. Torino: Einaudi.
13. Wittgenstein L. (2011) *Philosophical investigations*. Oxford: Blackwell Publishing.
14. Wittgenstein L. (2012) *Philosophische Bemerkungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.